

1 ГЛАВА

Лена проснулась, когда на часах было полдесятого утра. Довольно рано для человека, у которого оставался всего месяц насладиться каникулами. Десятый класс в принципе казался многим в их поселке недосягаемой величиной, даже взрослые говорили не иначе как «сложный десятый класс», и их можно было понять. До девятого класса ребята из Шии учились прямо тут, в средней Шийской школе. Но десятый и одиннадцатый здесь предусмотрены не были, и те, кто собирался продолжить учиться, должен был два следующие года ездить учиться в город. Каждый день, кроме воскресенья.

Так что вполне можно было понять, почему Лена ни при каких обстоятельствах не собиралась вставать в августе раньше двенадцати. Она же не рыболов или грибник, в конце концов! Это им вечно нейдет.

Конечно, у ее семьи, как и у большинства в поселке, было свое хозяйство, но стоило закончить девятый класс всего с двумя четверками, чтобы мать сама предложила летом хорошенько отдохнуть перед школой. Еще бы, теперь шанс поступить в медакадемию уже не выглядел таким призрачным, как казалось совсем недавно.

И, разумеется, именно мама своей трескотней по телефону разбудила Лену в такую несусветную рань. Лена с еле слышным ворчанием поднялась с кровати и подошла к окну. Потерла слипшиеся со сна глаза, чтобы убедиться в том, что на улице самая дурацкая погода, какая только может быть в августе. Серая хмарь, ни солнца, ни летнего ливня. В такой день можно спать до вечера, и ничего не потеряешь. Только мама будет охать и говорить, что Лена совсем бледная и ужасно похудела.

Лена повернулась к зеркалу, машинально проводя пятерней по светлым выгоревшим на солнце волосам и собирая их в длинный хвост. Да, бледная моль, лицо длинное, тонкое. Такое еще иногда называют лошадиным, Лена сравнивала себя со знаменитостями, про которых так говорили, и оттого не комплексовала. Рот большой, с тонкими губами. Спасибо Джулии Робертс, теперь это называют ртом как у нее, а не как у лягушки. Зато кожа светлая, чистая. Ни конопушек, ни прыщей. И глаза большие, серые. Еще умыться, чтоб они открылись, подкрасить белесые ресницы — и вообще отпад. Витька дурак, если этого не понимает.

Придя к такому выводу и одновременно в довольно неплохое настроение, Лена вышла из комнаты и бо-сиком проскочила в ванную мимо продолжающей болтать по телефону матери. Против своей воли она прислушалась к разговору.

«...Конечно, Лена будет рада, я ей передам...» — вот эта фраза ей совсем, например, не понравилась. Когда мама говорила так в прошлый раз, пришлось играть с пятилетней мерзкой племянницей маминой подруги Фаи. Видите ли, девочке надо показать поселок. Будто кроме Лены это некому сделать.

— Кому на этот раз нужно показать красоты нашего чудесного поселка, центра культуры и развлечений края? — охрипшим после сна голосом спросила она из ванной. Плеснула на лицо холодной воды и зашипела от неприятного ощущения.

— Не будь врединой, Аленка. — Мама засмеялась, словно Лена смешно пошутила. — Фая сейчас отдавала ключи новым соседям, приехали откуда-то издалека, отец с дочерью. Отец устроился на завод в город, вроде мужик рукастый, и тут найдем где пристроить в случае чего, а дочь...

Она сделала паузу и подошла к открытой двери в ванную. Даже с мокрыми ресницами Лена разглядела на ее лице предвкушающую улыбку и догадалась сама.

— Неужели идет в десятый класс? — Голос ее дрогнул. Одно дело проводить экскурсию каким-то малявкам, но ровесница... Это совсем другое дело!

В ее школе в девятом классе было пятнадцать человек. Всего. Из них пять девочек, включая ее саму. Стерва Наташка, строившая глазки ее Витьке, и не безуспешно, уехала учиться в ПТУ. Сейчас ПТУ назывался колледжем, или что-то типа того, но все знали, чем оно осталось. Пулягой, в которой проучиться большого ума не надо, достаточно не скуриться и не спиться за два года. Впрочем, это тоже не всем там удастся.

Ленина тезка по фамилии Королёва, отчего она мнила себя никак не меньше принцессы, была срочно отправлена к тетке в другой город или поселок. Официальная версия — чтобы доучиваться там, но Ленина мама знала от вездесущей Фаи, что отправили ее подальше, пока «пузо на нос не полезло». И ладно бы сама беременность, для поселка это не было чем-то

выдающимся. Да только отец ребенка был женат и не горел желанием решать эти вопросы. Ему проблем и со своей женой хватало.

Оставались Катя и Света, но эти решили не учиться дальше, благо армия девчонкам не грозила, а вот помогать родителям с хозяйством нужно было уже сейчас. К тому же по знакомству со временем обеих обещали устроить в поселковые магазинчики на кассу. В общем, у всех одноклассниц Лены наступила взрослая жизнь, в которой ей с ее амбициями не было места. Придумала тоже, поступать в медакадемию в краевом центре. Да кому она там нужна такая умная?

К счастью, все это, ну кроме беременности Королевой, конечно, Лене было известно задолго до конца девятого класса, и она вполне осознанно отдалилась от подруг, которые «по-дружески» могли утянуть за собой. Общалась в основном с ребятами, которые, как и она, планировали продолжить обучение в десятом. Но с ними было довольно скучно, особенно летом. Зимой можно было обсудить учителей и уроки, а летом ребята уходили сплаваться или за грибами, а то и на рыбалку в пять утра! Так что новенькая девочка Лене была просто необходима. Со стороны судьбы, или кто там отвечает за «сбычу» самого необходимого, было очень мило озаботиться этим вопросом.

— Да, тоже идет в десятый, — подтвердила ее догадку мама. — И, разумеется, им уже намекнули, что в городе только одна стоящая школа, к которой Саня будет гонять школьный автобус.

Лена захихикала.

Самый молодой шофер и правда два раза в день проезжал удлинненный маршрут, забирая школьников не только из ШиИ, но и из двух соседних поселков, а еще из частного сектора города, идти от которого

до школы было долго и небезопасно — дороги в этих местах были не асфальтированные, а вместо тротуара вдоль шоссе вилась тропинка. Но, разумеется, этим маршрутом ездили не только школьники, но и старушки в больницу, да и пара учителей, что работали в городской школе.

— Фая пообещала, что ты зайдешь к ним после обеда, — продолжила мама. — Так что времени у тебя полно. Соберись спокойно, позавтракай.

Лена привычно расшифровала мамин посыл. «Времени полно» — то есть умойся нормально, заплетись и надень что-то, не способное опозорить ее перед новенькой. «Позавтракай» — тоже знакомый щипок. Мол, новенькая пообедать успеет, пока ты завтракаешь.

— Я тоже тебя люблю, мам, — ответила Лена, прекрасно зная, что мама расшифрует правильно.

— Сейчас за косу оттаскаю! И в кого ты такая уродилась, балбесина? — Мама шутливо замахнулась полотенцем. Ага, поняла, что Лена передала «сама такая!».

Настроение у Лены поднялось еще выше. Новые люди в поселке все на виду, но при этом такая редкость, что каждый раз развлечение. А с ее ровесниками и вовсе никто не приезжал. В десятом-одиннадцатом классе все подростки — и их родители, конечно, — стремились оказаться поближе к центру или хотя бы подальше от глухих мест. Может, новенькая приехала из еще более глухих мест, но Лена, из своего окна видевшая уходящую за горизонт тайгу, представляла такое плохо.

С другой стороны, приехали новенькие без жены и матери — как знать, может, после развода отец увез дочь подальше от жены. Может, даже без разрешения!

Лена улыбнулась своим мыслям, красочно представляя, какие чудесные скандалы могли привезти

с собой гости. Да, это вам не скучные туристы каждое лето. Всего и веселья, если подерутся на дискотеке с местными или кто утонет на порогах. Не то чтобы это было прям на самом деле весело. Просто любое движение лучше, чем вся эта тоска.

— В школу зайдите, спросите у Александра Вадимовича, когда он домой, я хочу ему пирог занести, — крикнула с кухни мама.

— Ну ма-а-ам! — Лена заплелась и прошлепала босыми ногами к матери, цапнула со стола наливную шаньгу, пододвинула поближе молоко. — Неприлично это, что он подумает? Он тут три дня, а ты его пирогами забрасываешь!

— Он подумает, мы тут все очень хлебосольные, что не так уж расходится с действительностью, — пожалала плечами мама. — Парень молодой, поселился у бабки Нюры, а ты же знаешь, как она готовит. Международная конвенция по правам человека ее еду не видела, а то запретила бы как изощренные пытки.

— Ладно, но ты сама будешь виновата, если я им увлекусь, — пошутила Лена.

Александра Вадимовича Швецова, который приехал фельдшером в Шийскую среднюю школу после того, как медицинский кабинет два года простоял закрытый, Лена еще не видела, но слышала о нем немало. Ну да, то пусто, то густо. За последние пять или шесть лет люди чаще уезжали или умирали, приехало от силы человек пять. А тут за неделю трое. И какие! Молодой почти врач — Лена не совсем шутила про увлечься, только планы на фельдшера у нее были далекими от амурных. И ровесница со своим отцом. Отличные просто приезжие. Хороший будет год, Лена это чувствовала.

— Ой, да и увлекайся на здоровье, видно же, что мужчина серьезный, не оболтус вроде твоего Рощина, — отмахнулась мама.

Лена насупилась. Тема Витьки была запретная, и мама это знала. Впрочем, развивать ее мама не стала, а Лена, доев шаньгу и выпив молоко, пошла одеваться. Судя по тому, куда въехали новенькая с отцом, идти ей минут пятнадцать, если не торопиться, а с пирогом особо не поторопишься.

Лена как в воду глядела, только в придачу к пирогу ей всучили термос и банку с супом.

— Иди, иди, они только приехали, вещи еще толком не разложили, голодные наверняка! — напутствовала ее мама.

— Так тетя Фая же сказала после обеда к ним прийти, — упиралась Лена, но не помогло.

— Это время суток такое, «после обеда», к еде отношения не имеет, — отрезала мать и выставила за дверь. Пришлось идти.

Лена чувствовала себя немного глупо, когда стучала в дверь, но ей тотчас открыл мужчина, словно стоял у двери и ждал.

— Мне так и сказали сегодня, что к моей Анечке придет будущая подруга, — радушно произнес он и отступил от двери, пропуская Лену внутрь. И улыбнулся.

Получилось это не очень, Лена давно так не пугалась. Если бы мама, тетя Фая и сам этот мужик не знали, что она в это время тут, то предпочла бы убежать.

Высокий, большой, похожий на шкаф, очень коротко стриженный мужчина лицом напоминал боксера, каких Лена видела по телевизору. Тяжелая челюсть, сломаны уши, свернут чуть набок нос. Радушная улыбка совсем не помогала, слишком блестели зо-

лотые зубы, оттеняя темные глаза, настороженные и недобрые, словно он совсем не рад был ее видеть.

Лена протянула ему гостинцы и обернулась на шаги из кухни. Вышла та самая Анечка. Несмотря на ласкательное имя, выглядела Анечка не так ласково. Короткое каре такого же почти черного цвета, что и у отца, круглые светло-зеленые глаза смотрели будто удивленно из-под чуть более широких, чем требовала мода, бровей. Лицо круглое, даже каре не спасало. Черная водолазка со слишком длинными рукавами навевала ассоциацию с любителями резать вены, и Лена сразу суксилась — суицидников она терпеть не могла. Но тут девушка улыбнулась, и улыбка у нее оказалась хорошая. От сердца отлегло.

— Привет, я Аня Семенчук, — представилась она. — Мне сказали, что мы будем учиться в одной школе. Ты ведь Лена Иванченко, я не ошиблась?

— Нет, не ошиблась. — Когда отец Ани ушел на кухню, унося все дары и витающую над ним суровую мрачность, разговаривать стало проще. — И не могла ошибиться, у нас больше нет десятиклассниц во всем поселке.

— Ну и... — Аня замялась, и Лена поспешила подсказать:

— Ну и дыра, да? Есть такое, не смущайся. Зато у нас красиво, я могу тебе показать поселок, если ты не голодна.

— Нет, я перекусила. — Аня посмотрела на себя, потом на Лену, которую мама заставила надеть сарафан. — Мне стоит переодеться, наверное?

— Как хочешь, — пожала плечами Лена. — На улице тепло, еще можно позагорать.

— Ты тогда подожди, я быстро, — попросила Аня и скрылась в комнате. Она скоро вернулась, поставила

табурет для гостьи и дала какой-то комикс. Лена в жизни не читала комиксов, но этот жест ее растрогал.

«Брюнетка с комиксами и каре вряд ли уведет у меня парня, — подумала Лена и добавила про себя. — Когда такой снова появится».

Она чуть было не изменила мнение, когда новая знакомая вышла в ультракоротких шортах и обтягивающей футболке. Выглядела Аня немного по-пацански, но при этом фигура у нее была совсем не мальчишеская.

«Ну все равно не блондинка, как Наташка», — снова напомнила себе Лена и первая вышла во двор. На улице и впрямь была прекрасная погода. Можно было сходить до реки, пройти через весь поселок и успеть зайти в школу.

2 ГЛАВА

По дороге девочки успели обсудить тяжелый переезд — Аня совсем не выспалась, — погоду и даже пустобреха Найдю из двора бабы Ньюры. И все. О своем прежнем доме Аня говорить не хотела, а Лена не знала, с чего начать рассказ.

— Баба Ньюра немного странная, иногда Найдю спускает и кричит, чтоб она искала неверных. — Лена снова попыталась начать постоянно увядающий разговор. — Собака старая и ленивая, никого не кусает, но обляять может.

— Неверных — это про религию? — наморщила лоб Аня.

— Вряд ли, но кто бабу Ньюру знает! — Лена указала на серое здание за высоким забором, мимо которого они проходили: — А это психушка. Там дальше церковь, мы туда сегодня не пойдем, тут к реке свернуть проще. Баба Ньюра просто в своем каком-то мире живет. Никогда не догадаешься, о чем она думает. Ты просто не пугайся, и все.

Напряжение не пропадало. У реки Лена попыталась еще раз.

— Течение тут бурное, поэтому рыбу ловят ниже, — пояснила она. — А еще ниже начинают сплав-

ляться каждую весну. Туристы приезжают, и только следы, чтоб никто не утоп или в лесу не заблудился. Им кажется, что до города полчаса, до центра на машине часа три, чего тут может случиться. А у нас тайга, болота, да и река тут. Так что в лес тоже одна не ходи, он только кажется небольшим — это остров тут, у поселка.

Никак не получалось, витало в воздухе что-то, не иначе как оставшееся после посещения дома Семенчуков. Нечто, заставляющее Лену больше пугать, чем делиться интересным.

— И часто люди пропадают? — Аня плюнула с мостика в речку. Плевок тут же попал в водоворот и исчез с глаз.

— Бывает. — Лена тоже плюнула. Тема ее уже тяготила. — Но довольно редко. Сама понимаешь, местные-то берегутся, а вот туристы... В общем, всякое случается.

— Ясно. А мальчики тут симпатичные есть? — Аня сменила тему, слишком поспешно, пожалуй, но Лена была рада подыграть.

— В город будем в школу ездить, там этого добра полно, — не моргнув глазом соврала она. В городе до сих пор она бывала лишь по делам и ни с какими мальчиками не знакомилась. Не до этого было.

— Нет, я про местных. — Аня сморщила нос, всем видом выражая нежелание знакомиться с городскими. — Чтобы можно было вечером погулять, уже после школы.

— Есть парочка неплохих ребят. — Лена просто физически чувствовала, как не хочется ей рассказывать новенькой про друзей, но что толку? День-другой — и она сама с ними познакомится. — Один очень даже ничего... Только волочится за всеми подряд.

Она внимательно разглядывала свои сандалии, не понимая, как не заметила и измазала белый ремешок в чем-то буром. Неужели вступила в кровь? Да вроде бы летом свиней не резали, а сколько с той курицы натечет, смех один.

— Неприятные воспоминания? — тихо спросила Аня, протягивая руку, чтобы коснуться ее рукава, и тотчас отдергивая.

— Да, — криво улыбнулась Лена. — Разбитое сердце. Но смогли остаться друзьями.

Аня захихикала. Не зло так, Лена даже не обиделась.

— Нельзя с изменщиками и врунами оставаться друзьями. — Аня перестала смеяться так же резко, как и начала. — Они должны до конца жизни знать, что есть кто-то, кто их искренне ненавидит.

Теперь и Лене стало смешно.

— Да Витьке дела нет до моих мыслей, глупости это.

— Не глупости, — возразила Аня. — Сейчас дела нет, а станет толстым лысым бухгалтером во втором браке с тремя детишками и будет думать, что есть вот такая Лена, что его ненавидит. И спать будет не так сладко!

Лена представила худощавого красавчика Роци-на лысым и с пузом и расхохоталась. Легко и весело, впервые с их неприятного расставания прошлой зимой.

— Вот видишь, я тебя развеселила, — улыбнулась и Аня. — Даешь добро на охмураж этого твоего Витьки?

— Да зачем тебе такой? — Лена замахала руками. — Лучше Диму Собакина бери. Он пусть не такой красавчик, но выглядит надежным.

— Да ну! — Аня снова сморщила нос. — Что за скука! Я же не собираюсь за него замуж, так, погулять немного.

— Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом. — От растерянности Лена выпалила поговоркой. — Какой смысл встречаться с тем, с кем не хотел бы провести всю жизнь?

Теперь Аня посмотрела на нее странно. Оценивая, будто решала, доросла она до ответа или нет. Неприятный взгляд.

— Я же не сошла с ума, чтобы мечтать о семье в поселке. Ну там детишки, свинки. Коровку можно завести.

Да, никогда раньше у Лены так много раз не менялось отношение к человеку за один-единственный разговор! Она чуть не задохнулась от обиды. Надо же, они, поселковые, были недостаточно хороши для этой приезжей.

— А чего вы вообще сюда переехали? — грубо спросила она, с трудом удерживаясь, чтобы не оставить эту гордычку прямо посреди улицы и не уйти.

Плечи Ани чуть поникли, а взгляд стал испуганным.

— О... Отец хотел переехать в тихое место, чтобы я могла спокойно доучиться, — наконец произнесла она.

В голове Лены, тщательно унавоженной и подготовленной телевидением и кричащими заголовками в интернете, выросли и набухли одна мысль за другой. Аня была беременна и уехала, чтобы скрыть свой позор! Ее отец изменил жене с одноклассницей Ани! Или с подругой жены. Ну это хотя бы объясняло, почему матери с ними не было... За Аней охотилась бандитская группировка! Она кого-то убила! Нет, ее хотели убить! Строго говоря, после разговора с ней Лена бы даже не удивилась, окажись последняя мысль правдой.

Они как-то прошли мимо торчащего за высоким забором корпуса психиатрической больницы и оказались рядом со старой церковью. Тут и сели на скамейку. Лена достала кулек с семечками. Городские могли смеяться сколько угодно, что это прошлый век, но какой смысл менять то, что отлично работает? Семечки можно лузгать бесконечно.

Пауза затянулась, и, вздохнув, Аня продолжила рассказ.

— Не знаю, слышала ты или нет, была волна самоубийств среди подростков. Типа секты, где ребята убеждали покончить с собой.

Лена кивнула, мол, не совсем в деревне живем, интернет есть, а там дурасти эти вечно на первых строчках.

Но Аня даже не смотрела на нее. Она устала в одну точку и чуть раскачивалась, продолжая рассказывать будто и не Лене вовсе.

— У нас пошли дальше. Появилось целое движение Мотыли. «Ловить на мотыля» приобрело новое звучание. Если коротко, люди получали деньги от организаторов этого «мотыля» за свои увечья. И нет, разбить лоб о стену было недостаточно. Кто-то другой должен был разбить твой лоб о стену. Чем сильнее увечье, тем больше денег. Желających бить мотылей было не много, и те пускались на разные хитрости. Шантажировали друзей, оскорбляли незнакомцев, выступали вместе с митингами против чего угодно, надеясь попасть под шальную пулю, хотя бы резиновую.

Лена забыла, как дышать. Ей так хотелось спросить, неужели ее новая приятельница тоже принимала в этом участие? Но она боялась прервать рассказ.

— Сначала кого-то уговаривали ударить разок, потом шантажировали его тем, что сняли, как он бьет человека... Я не знаю, почему родители не забили

тревогу раньше, честно. Мотыли были хитрые, как наркоманы в поисках денег на дозу. Они врали родителям, врали тем, кто их бьет. Только организаторам врать было нельзя. И все было хорошо, наверное. Пока в нашей школе не произошло то, что рано или поздно должно было случиться. Одного мотыля забили насмерть.

Лена сбоку видела, как ходили желваки у Ани, слышала, как глухо она говорит, словно ей это тяжело дается, но не могла понять, что это значит. Мотылем был кто-то из ее друзей? Она видела убийцу?..

— Вся школу прошерстили. Полицейские, психологи, соцработники. Никто не видел момент убийства, но многие знали, что Денис был мотылем. Об этом и рассказали.

Аня прижала ладони к коленям так, что побелели костяшки.

— Многие увезли детей к бабушкам, на море, куда угодно прочь. Найденных по повреждениям мотылей заставили ходить к врачам. Вот и мы уехали тоже. Находиться в школе стало невыносимо.

Теперь ее голос звучал почти нормально, и Лена рискнула.

— А почему раньше никто не замечал этого?

Аня усмехнулась.

— А почему почти никто не видит забинтованные руки неудавшихся самоубийц? А синие сгибы локтя у наркош? Длинные рукава плюс ударная доза «нам плевать, пока ничего особенного не случилось» приводит к ожидаемому результату.

Лена устала на психиатрическую больницу. Она знала, что на прошлой неделе оттуда бежал и пропал без вести пациент. Она знала, а многие нет. Всем плевать? Пожалуй, она понимала, о чем говорит Аня,

и больше не злилась. Если бы ей пришлось покинуть свою школу и дом из-за такого, она бы тоже ненавидела новое место.

— Это единственная причина? — по непонятному наитию только и спросила она.

Аня вздрогнула, а потом повернулась к ней на скамейке так неловко, всем телом, что едва не выбила из руки кулек с семечками, о котором Лена успела позабыть.

— Нет, — свистящим шепотом произнесла она. — Еще там был черный человек.

— В каком смысле? — ляпнула Лена.

— Я не знаю. — Аня теперь выглядела напуганной, и казалось, что каждое слово дается ей с трудом. — Он... он убил...

Лена вскочила. Ей показалась, что новая знакомая сейчас задохнется или грохнется в обморок. И куда бежать, кого звать, что делать, вообще?

Но Аня пришла в себя, глаза ее снова смотрели осмысленно, а на щеки вернулся легкий румянец.

— Он убил при мне, — четко произнесла она. — Теперь я свидетель.

Она тоже встала, и Лена поняла, что это не румянец. У Ани был жар!

— Пойдем-ка ближе к дому, — попросила Аня. — Я странно себя чувствую.

— Зайдем только ко мне, мама даст какое-нибудь лекарство, ты вся горишь. — Лена занервничала. Если Аня не больна, а распереживалась от расспросов, то и ежу понятно, кого в этом обвинят. Показала поселок, молодец!

Она собиралась молчать всю дорогу, чтобы не спровоцировать какой-нибудь приступ, но Аня заговорила сама.

— Этот черный человек... он точно хотел убить именно меня. Он так смотрел на меня, прямо в глаза. Мне до сих пор дурно. Вместо этого он убил... других людей. Прямо передо мной, он будто красовался, мол, смотри, что тебя ждет. Он какой-то больной псих, я понятия не имею, зачем ему это. Я даже не знаю, почему он промедлил. А потом меня спас отец.

Лена вспомнила лицо Виктора Андреевича и чуть повела плечами, словно ей стало холодно. С таким зверским лицом, какое было у отца Ани... Не удивительно, что черный человек не завершил начатого. Честно говоря, Лена была даже готова поверить, что отец и есть Анин черный человек. И он держит дочь в заложниках, не позволяя сказать лишнего словечка об этом. Лена вздохнула. То, что Аню спокойно отпустили с ней гулять, никак не вписывалось в логику этой истории, а жаль. Так интересно получалось.

Тем не менее, похоже, Ане стало легче, когда она рассказала больше, поэтому Лена рискнула продолжить расспросы.

— А что с этим черным человеком сейчас? — Ей было смешно произносить «черный человек», сразу вспоминалась детская страшилка про черного человека в черной комнате, но как его иначе назвать, она не знала. — Он погиб? Или в тюрьме?

— Нет. — Аня покачала головой и пугливо оглянулась. Лена с большим трудом удержалась, чтобы не повторить ее движение. — Он... Мне кажется, что он где-то рядом. Он идет за мной.

Лена даже не подозревала, что будет так рада наконец распрощаться с новенькой. Конечно, сначала ее мама дала Ане таблетку, почему-то от головной боли, но тут маме определенно виднее. А потом та ушла домой, пообещав позвонить утром.

— Чего кислая сидишь? Не понравилась приезжая? — Мама подошла неслышно, Лена даже вздрогнула. Под впечатлением от рассказа Ани она на мгновение представила, что это не мама, а черный человек, который планирует убийство. К тому же было за что — до школы они так и не дошли, Швецову про пирог не передали!

— Не то чтобы не нравится... — Лена помялась. — Она какая-то странная, если честно. И они явно сбегали от чего-то, я не очень поняла, от чего на самом деле.

— Наши места часто принимали беглецов, — туманно отозвалась мама. — Кого-то в теплые объятия, а кого-то в бурные речные воды. Ужинать будешь? Я суп разогрела.

И Лена пошла мыть руки. В одном Аня и ее отец были правы. Поселок у них тут маленький, и каждый новый человек будет под прицелом множества внимательных глаз. Не пропустят ничего странного.

3 ГЛАВА

У черного человека было имя. Его звали Тадеуш. Ему нравилось это имя. Такое инородное для того, кто родился и вырос в русской семье. Он и чувствовал себя инородным, чужаком. Даже с самыми близкими он был словно лишним. Всегда.

И только имя, которое начиналось как резкий хлопок крыльев, а заканчивалось неторопливым змеиным шипением, примиряло его с реальностью. Быть таким, как все, — скучно, зато безопасно.

До поры до времени ему удавалось оставаться в тени. Следить за тем, чтобы люди не могли связать странные происшествия с ним. Он ведь не сразу начал убивать людей, он не маньяк какой-нибудь. Просто однажды животных, замученных в тесных укромных уголках, стало мало. А некоторые люди были настолько исторгаемы миром, что убивать их было просто и приятно. Никто не хватится, никто не станет расследовать смерть бродяги, найденного в мусорном баке. Сил на это у Тадеуша хватало.

Но ничто не могло длиться достаточно долго, чтобы казаться вечным, и эта глупая девчонка вынюхала его, каким-то образом узнала о нем. Может, он был неосторожен, так что теперь? Ей все равно не следо-